

ПИСЬМА В. ДАМБЕРГСА К БЛОКУ

Предисловие, публикация и комментарии Е. М. Б е н я

Латышский поэт и драматург Вальдемар Дамбергс (Valdemārs Dambergs) (1886—1960) родился в селе Дружнополье Петербургской губернии¹. После окончания в 1905 г. рижского политехникума занялся изучением классической филологии. Он — автор сборников стихотворений на латышском языке «Зарисовки. Стихи» (1907)², «Барельефы» (1910)³, «Ритмы души. Стихи» (1921)⁴. Как свидетельствуют семь писем его Брюсову 1911 г.⁵, Дамбергс пытался переводить на русский язык произведения современных латышских писателей, но переводы не были напечатаны.

С 1916 по 1920 г. Дамбергс жил в России. После возвращения в Латвию в основном занимался преподавательской деятельностью. Умер в эмиграции в Дании в 1960 г.

В переписке Блока имя Дамбергса впервые упоминается И. Гюнтером в письме от 17 ноября 1905 г. (на немецком языке, где он сообщает, в частности, что латышский литератор хотел бы переводить стихотворения Блока (см. наст. т., кн. 5, раздел «Блок за рубежом»). На это время приходится начало увлечения Дамбергса русским символизмом и творчеством Блока.

Письма Блока Дамбергсу неизвестны, тем важнее для нас сохранившиеся два письма латышского поэта к Блоку (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 238). Во втором из них (от 26 июня 1906 г.), восхищаясь «Стихами о Прекрасной Даме», Дамбергс говорит о своем восприятии поэтического стиля этого цикла. Дамбергсу, далекому от столичных символистских кругов, первый сборник Блока оказался близок.

Но важнее другое: в послании Блока говорилось, что «стихов подобных „Стихам о Прекрасной Даме“ писать больше нельзя». В точности передачи Дамбергсом основной мысли Блока сомнений быть не может: о том же самом, т. е., по существу, — о кризисе прежней проблематики символизма в те же дни писал Блок Городецкому. В несохранившемся письме Городецкому была энергично заявлена идея, уже вполне овладевшая Блоком в 1906 г. — идея обращения художника к «окружающей цивилизации», к социальной действительности. Письмо Городецкому Блоку от 28 июня 1906 г. и письмо Дамбергса от 26 июня 1906 г. свидетельствуют о содержании предшествовавших им писем Блока. С. Городецкий констатировал: «(...) Ваше письмо — самое важное, что совершилось за последнее время в литературе. Его будут воспроизводить в историях литературы. Вы — последнее, что надо было своротить с места во что бы то ни стало (...) Наступает великое время, выходит народ. И этому времени свое искусство, тоже великое. Я не знаю, что такое символизм, но что какой-то круг завершен, это слишком ясно. (...) Сегодня Вы пишете: „Искусство должно изображать жизнь“, „Фома“ — последнее нужное произведение» (напомню только одну фамилию — Леонид Андреев). Может быть, для Вас действительно дорога к большому искусству лежит через „реализм“. Всякий идет своим коридорчиком, зато, когда встретимся под общей крышей — небом, будет нечаянная радость, может, и чайная.

«(...) Вы были одним из ярких воплощений минувшего периода, теперь крутой поворот, теперь нет никакого сомнения в наступлении нового — после письма» (наст. т., кн. 2, с. 27—29). Письма Блока Городецкому и Дамбергсу были написаны спустя три месяца после окончания работы над сборником «Нечаянная радость».

Упоминание о Дамбергсе позже встречается в письме Гюнтера Блоку от 19 января 1907 г.: «Сестра молодого латышского поэта В. Дамберг(са)⁶ хочет познакомиться с Вами⁷».

В «Перечне несохранившихся и неразысканных писем А. А. Блока» В. Н. Орловым названо и письмо Блока Дамбергсу в Митаву от 9 апреля 1916 г.⁸ Можно предположить, что содержание этого неизвестного письма было связано с подготовкой к изданию «Сборника латышской литературы», в котором в переводе Блока было опубликовано стихотворение «Реквием» Вилиса Плудониса (1874—1940)⁹.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Краткие биографические сведения о В. Дамбергсе см. в кн.: «Latviešu Konversācijas Vārdnīca», 3. Rīga, 1928—1929, s. 4487, 4488, 4489, 4490 (см. там же фотографию Дамбергса).

² «V. Damberga Dzeļoli zīmējumi». Rīga, 1907.

³ «Barelījeji V. Dambergs». Jelgava, 1910.

⁴ V. D a m b e r g s. Dvēsels ritmi. (Dzējoli no 1909—1920). Rīga, 1921.

⁵ Письма Дамбергса В. Брюсову хранятся в ГБЛ (ф. 384, к. 84, ед. хр. 34).

⁶ В письмах И. Гюнтера Блоку и самого Дамбергса Блоку и Брюсову латышский литератор именуется Вольдемаром Дамбергом.

⁷ См. «Александр Блок. Аннотированный каталог под редакцией В. Н. Орлова». Вып. 2. М., 1979, с. 220.

⁸ Там же, с. 477.

⁹ «Сборник латышской литературы». Под ред. В. Брюсова, М. Горького. Пг., «Парус» (1916), с. 240—243. В. Дамбергс послал для этого сборника свои стихотворения в письме Брюсову от 1 января 1916 г. (ГБЛ, ф. 384, к. 84, ед. хр. 34, л. 15—25), однако они в него не вошли.

1

«Митава, май — начало июня 1906 г.»

Многоуважаемый Александр Александрович!

Негг Ханс мне сказал, что я могу к Вам писать и, вот, я, следуя его словам, пишу к Вам.

Прежде всего искренно и сердечно благодарю Вас за присланную мне через г-на Ивана Ивановича Гюнтера книгу «Стихов о Прекрасной Даме» и за надпись¹.

Ваши стихи столь же нежные и прекрасные, как и Прекрасная Дама, очаровали меня и впервые показали, в чем заключается соединение простоты с тонкой музыкальностью. Ваши прозрачные и тонко рисованные образы, как ряд белых ангелов тихо прошли в душе моей...

На меня, как на начинающего и выступающего со своими первыми опытами, они оказали сильное влияние, так что в одном из моих последних стихотворений Виктор Эглит² (вы, наверное, его знаете?) напел сходство с Вашими. И я сам это чувствовал.

Полагаясь на авось, что Вы будете изредка отвечать, для первого знакомства сообщая кое-какие сведения о себе.

Познакомившись впервые через Ивана Ивановича Гюнтера с символизмом, я почувствовал себя сильно привлеченным к нему, особенно его наиболее выдающимся представителям. Меня захватили ширь, даль и необъятность. И мне, до сих пор еще смутно и неверно искавшему дороги, тогда ясно предстали далекие горизонты с мистически мерцающей над ними звездой вечности.

К тому же времени во мне самом произошел неожиданный перелом от позитивизма к мистицизму, еще более сроднивший меня с символизмом.

Но не хочу более задерживать Вас своим письмом.

Еще раз сердечно благодарю за присланную книгу стихов и в ожидании ответа с искренним приветом.

В. Д а м б е р г

Мой адрес: Г. Митава. Большая ул. № 73. Г-ну Готхарду.
Для передачи В. Дамбергу.

⟨Приписка Г. Гюнтера⟩

Дорогой Александр Александрович.

Это — милый человек и, как я думаю, большой поэт. Эглит тоже думает, что в нем много будущности. Напишите ему, пожалуйста. На днях я Вам напишу. Серд⟨ечный⟩ поклон Вам всем от Негг Ханса.

¹ Местонахождение экземпляра книги «Стихи о Прекрасной Даме» с дарственной надписью Блока Дамбергсу неизвестно.

² Эглитис Виктор (Eglitis Victors; 1877—1945), латышский писатель, поэт, критик. Родоначальник латышского символизма. Литературную деятельность начал в 1898 г. (см. крат-

кие биографические сведения в кн. «Latvijas Padomja enciklopedija», 3. Rīga, 1983, с. 28). Автор многих прозаических и стихотворных произведений. Переводил на латышский язык стихотворения А. Белого, В. Брюсова, Вяч. Иванова. Состоял в переписке с В. Брюсовым в 1904—1905, 1910—1911, 1913—1914, 1916 гг. (ГБЛ, ф. 386, к. 109, ед. хр. 37). В журн. «Весы» (1904, № 7, с. 33—38) была напечатана его статья о латышской литературе «Письмо из «Риги».

В письме к В. В. Розанову от 16 февраля 1914 г. Эглитис осудил шовинистическую направленность его публицистики (ЦГАЛИ, ф. 419, оп. 1, ед. хр. 714).

2

Митава, 26 июня 1906 г.

Многоуважаемый Александр Александрович!

Ваше письмо меня очень обрадовало¹; оно пробудило во мне много отголосков и отчасти подтвердило некоторые мои неясные догадки и предчувствия.

Дело в том, что я не мог вполне ассимилировать символизм и вполне охватить его как литературное движение, потому что нет и года, как вообще с ним ознакомился. В сравнительно короткий промежуток времени освоившись с ним и приняв его тезисы, я в последнее время почувствовал, что остановиться только на нем нельзя, или, вернее говоря, на тех рамках, в которых он до сих пор воплотился. Ограничившись и уйдя в вышину и в глубь мистики, он (как мне кажется) как бы сузился и стал недосыгаемым для большой публики. И сколько мне приходилось и приходится слышать упреков с ее стороны в оторванности символизма от жизни. Мне кажется, что символизм, созрев в одиночестве и в душах отдельных поэтов, выступит на более широкую дорогу...

Переводов Брюсова из Верхарна не читал², но дело в том, что Митава такое заолустье, что книг по новейшей литературе никак не раздобудешь.

Вы думаете, что стихов, подобных «Стихам о Прекрасной Даме» писать больше нельзя. Может быть, только такие нельзя, но такие, мне кажется, можно, и они очень хороши. Они мне понравились нежностью, прозрачностью и часто строгостью рисунка. Читая их, я всякий раз вспоминал пробуждение весны, когда все сплетено из нежных чистых линий и красок и когда душа волей-неволей отдается созерцанию их. Но здесь нет строгой пластики, и мне бы очень хотелось узнать, как Вы относитесь к этому вопросу.

Шлю Вам несколько своих стихотворений. Но только я пишу на латышском языке, а Вы его наверно не знаете. Поэтому я поместил рядом перевод стихов на русский язык (почти дословный) и снабдил их размером. Может быть, у Вас составится впечатление о них. Негг Hans передал Ваше послание, и он наверно уже Вам написал.

Очень буду ждать от Вас письма.

С искренним приветом В. Д а м б е р г

26/VI 1906

г. Митава, Большая 73 паг ад г-на Готхарда

<Дословный перевод собственных стихотворений в письме В. Дамбергса помещен напротив оригинальных текстов>

<1>

Свет без ярких красок
Моя душа часто видит,
Бледно-синее и розово-желтое
Покрывает свод небес.

В сердце нет ярких чувств,
Там — бледные ангелы,
Погрузившись в сияние мыслей,
Не могут прогнать грусть.

Грусть рождает великие сны,
Великим чувствам (вдохновениям)
связывает крылья,
Свершенья там нет,
Брезжит бледный, бледный свет.

<2>

Бледный свет и вечная тоска,
Потоки слез медленно иссякают:
Ангелы в глубоких мыслях
Смеют противоречить образам слез.

Бледные ангелы в глубоких мыслях
Гасят в груди яркие чувства,
В глубоких мыслях, в глубоких мыслях
Поникнув головами, немые сидят.

Мы сидели бледные и строгие,
Не белые облака летели над нами,
Не пестрый цветок вдали упруго
Сгибал зелёный и гладкий стебель.

